

Роман Пустослов

Зеленый Свет

Роман Пустослов
Зеленый Свет

«Автор»

2026

Пустослов Р.

Зеленый Свет / Р. Пустослов — «Автор», 2026

В Голливуде «получить зелёный свет» теперь означает совсем не то, о чём мечтают в актёрских школах. Это просто строчка в реестре согласий, позволяющая студии снять с тебя мерку, залить в цифровой Купол и запустить вечнозелёный дубль на смены, на которые ты никогда не подписывался.

© Пустослов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Зелёный свет	5
Дубль работает в среду	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Роман Пустослов Зеленый Свет

Зелёный свет

В то утро я ещё думал, что приехал сюда играть.

Машины у входа забрал парень в зелёном поло, не глядя мне в лицо, — он смотрел в планшет, где, видимо, уже был записан весь я: рост, вес, дата рождения, прошлогодний сериал, в котором я три серии носил поднос. Он бросил «велкам, мистер Холт» в ту секунду, пока ключи переходили из моей ладони в его, и я почему-то подумал, что это первая в Лос-Анджелесе фраза, обращённая ко мне по имени человеком, который не хотел ничего продать. Я ошибался, конечно. Он просто продал мне ощущение, что меня ждали.

Студия «Эвергрин» снаружи выглядела как теплица для очень дорогих растений. Стекло, белый камень, газон такого ровного зелёного, что хотелось проверить, не покрашен ли он. Над входом, без всякой вывески, висело одно слово, выложенное живым плющом: EVERGREEN. Вечнозелёный. Я постоял под ним секунду, как турист, и подумал, что в Огайо, откуда я приехал, вечнозелёным называли только пластиковую ёлку, которую бабушка не выбрасывала тридцать лет, потому что «живая осыпается, а эта — нет».

Внутри пахло огурцом и деньгами. Точнее — водой с огурцом, которую наливали в высокие стаканы у стойки, но запах денег я выдумал, потому что денег запаха нет; есть запах мест, где их много, а это запах кондиционера, отглаженной ткани и чего-то цветочного, чему не учат ни в одной актёрской школе. На стойке между кувшином и вазой лежала табличка, отпечатанная тем же спокойным шрифтом, что и всё здесь: «Записаться на ежегодное обновление фактуры можно у администратора. Чек-ап лица — забота о себе». Девушка за стойкой улыбнулась мне так, будто я её отдельно обрадовал фактом своего существования.

— Дэни Холт, — сказал я. — У меня встреча с Гилом Сомерсом.

— Конечно, Дэни, — сказала она, и от того, как легко она опустила фамилию, мне стало почти хорошо.

Гил вышел сам. Это, я потом понял, тоже был приём: важные люди присылают за тобой ассистента, а Гил вышел сам, в светлом пиджаке без галстука, с лицом человека, который рад тебя видеть и слегка этого стыдится. Он пожал мне руку двумя своими.

— Дэни. Боже, ты ещё лучше, чем на пробах. Камера тебя занижает, ты в курсе?

— В первый раз слышу что-то хорошее про камеру, — сказал я.

Он засмеялся громче, чем это стоило. Хороший знак, решил я. Тогда я ещё считал, что чужой смех — это знак.

Роль была настоящая. Я повторял это про себя в лифте, пока мы поднимались: настоящая роль. Не поднос. Второй план в восьмисерийном проекте, парень по имени Тео, механик, который чинит чужие машины и не умеет починить свою жизнь, — сценарий был так себе, но в нём были две сцены, ради которых я бы вычистил весь этот газон зубной щёткой. Сцена, где Тео молчит в гараже. И сцена, где он впервые врёт женщине, которую любит, и сам слышит, как врёт. Я знал, как это сыграть. Я приехал за две тысячи миль, чтобы кто-нибудь дал мне это сыграть.

— Сначала формальности, — сказал Гил, заводя меня в комнату без окон, очень светлую. — Скучная часть. А потом веселье.

Формальности оказались планшетом и его улыбкой.

— Ты у нас новенький, поэтому давай я по-человечески, — сказал он, садясь напротив и придвигая планшет ко мне экраном. — Это Грин-лист. Знаешь, что это?

— Слышал слово.

— Все слышали слово, никто не читал. — Он подмигнул. — Грин-лист — это твоя защита. Серьёзно. Раньше как было: снимут тебя в рекламе, а потом твоё лицо всплывает где угодно, на билборде стирального порошка в Маниле, и ты ни сном ни духом. Дикий Запад. А теперь — вот.

Он провёл пальцем, и на экране появились три кружка. Зелёный, жёлтый, красный.

— Зелёный — лицо и голос свободны для проектов студии. Жёлтый — только за отдельные деньги, по отдельному договору, каждый раз. Красный — нельзя, точка, ты вне системы,

тебя как бы нет. Видишь? Ты сам решаешь, где стоишь. Это как... — он поискал слово, — как табличка на двери. Кто может войти, кто стучи, а кому от ворот поворот.

— И большинство стоит на зелёном.

— Большинство работающих — на зелёном, — мягко поправил он, и я не услышал, как он это сделал, услышал только годы спустя. — Жёлтый — это для тех, кто уже может себе позволить торговаться. Красный — это, честно, для тех, кто решил не сниматься вообще. Уйти в театр, выращивать авокадо. Имеют право. Святое право. — Он развёл руками с тёплым сожалением, будто говорил о людях, которые добровольно отказались от воздуха.

Я смотрел на зелёный кружок. Он был приятного цвета, цвета того газона снаружи.

— А роль? — спросил я. — Тео?

— А вот тут красиво, — оживился Гил. — Раньше бы ты подписал договор на роль, потом отдельно разрешение на изображение, потом ещё профсоюзную бумагу — три дня и адвокат. А мы это всё свернули в одно. Ты выходишь на зелёный — и в ту же секунду проект получает зелёный свет. Гринлайт. Понимаешь игру слов? Ты говоришь студии «да», студия говорит проекту «да». Одна подпись. Одна. — Он показал мне один палец, как фокусник, у которого в нём вся суть номера. — Поэтому это и называется «выйти на зелёный». Ты выходишь — и зажигается свет. Тебе горит зелёный, Дэни.

Я хочу честно сказать, что в ту секунду это прозвучало красиво. Я приехал из города, где зелёный свет был один на главной улице и моргал жёлтым после девяти вечера. Мне всю жизнь горел красный или в лучшем случае «подожди». А тут человек в светлом пиджаке говорил, что свет — мой.

Я подписал. Я даже не дочитал — кто дочитывает, когда внизу страницы тебя ждёт первая настоящая роль. Палец на экране, тёплый кружок под подушечкой, зелёный мигнул и стал ровным. Где-то в недрах здания, наверное, в ту же секунду чей-то проект получил гринлайт, и какой-то продюсер выдохнул, и я был причиной чьего-то выдоха. Это приятное чувство. Я его запомнил.

— Ну, — сказал Гил, поднимаясь и снова становясь радостным, — а теперь веселье. Пойдём знакомиться с Куполом.

Купол был в отдельном корпусе, и к нему вёл коридор, который понижался — пол едва заметно шёл под уклон, так что ты входил будто чуть-чуть под землю, и от этого делалось тише. Стены здесь были не белые, а серые, мягкие на вид. Гил передал меня женщине в халате цвета мяты, по имени, кажется, Прия, которая улыбалась меньше, чем все остальные в этом здании, и за это сразу мне понравилась.

— Раздевайтесь до белья, — сказала она. — Холодно будет первые минуты. Потом привыкнете.

Купол и был купол — сфера изнутри, метров шесть в диаметре, матово-светящаяся, утыканная по всей внутренней поверхности камерами, которых я не считал, но их были сотни; они смотрели отовсюду, мелкие и спокойные, как зёрна в подсолнухе. В центре стоял невысокий круг, на который надо было встать. На стене у входа висела карточка с пиктограммой человека, дышащего животом, и подписью: «Перед сканированием настройтесь на благодарность. Расслабленное лицо считывается полнее». Я прочёл её дважды и так и не понял, к чему меня готовят — к медитации или к техосмотру. Прия нанесла мне на скулы, на ключицы, на тыльную сторону ладоней что-то прохладное кисточкой — точки, метки.

— Это чтобы привязать сетку, — сказала она, не объясняя, что такое сетка. — Не трите. Само сойдёт к вечеру. Гель тоже держится с неделю под кожей, метки сходят, а он ещё сидит. По нему потом свои своих узнают.

— Кто кого узнаёт?

— Живые живых, — сказала она просто, будто это была графа в анкете. — Кто сканировался — у того след. Неделю ходишь меченый. Ну, вы поймёте.

Гель я не ожидал. Он шёл откуда-то снизу, из самого круга, на котором я стоял, поднимался прозрачной плёнкой по щиколоткам, по голеникам, и был холодный, как родниковая вода, и плотный, как взгляд. Я дёрнулся.

— Стойте ровно, — сказала Прия. — Он не вверх, он вокруг. Просто держит вас неподвижно для первого слоя. Дышите.

Гель остановился где-то на бёдрах и держал — действительно держал, мягко, со всех сторон, как очень вежливая толпа. Тело стало чужим и точным. Камеры по сфере чуть повернулись, все разом, с тихим единым звуком, будто кто-то провёл рукой по высокой траве.

— Поднимите подбородок. Сейчас будет ярко.

Стало ярко. Свет шёл не сверху, а изнутри стен, отовсюду, ровный и бестеновой, и я понял, что в этом свете у меня нет тени, и от этого нет ощущения собственного объёма; я будто бы плыл в молоке. Прия из-за стекла называла мне команды — посмотрите налево, медленно, теперь улыбнитесь, не так, естественно, теперь рассердитесь, теперь как будто вспомнили что-то хорошее, — и я делал, и где-то меня собирали по точкам, по меткам на скулах, по геометрии холода вокруг ног.

— Скажите что-нибудь, — попросила она. — Что угодно. Нам нужен голос в движении. Можно петь, если хотите. Многие поют.

И я, дурак, запел.

Это была песенка моей бабушки — глупая, в четыре строчки, про зелёного жука, который полетел на свет и обжёгся, но всё равно полетел, потому что свет; я не помню слов целиком, только мотив, и мотив этот я с детства тяну неправильно. Есть там одна нота, на слове «полетел», которую надо взять вверх, а я каждый раз сажусь ниже, мимо, и бабушка смеялась и говорила: «Дэни, ты опять её уронил». Я её всегда роняю. Я пел тихо, для себя, чтобы заполнить холод вокруг ног чем-то своим, и дошёл до этой ноты, и уронил её, как всегда.

И тут случилась маленькая странность. Через секунду — меньше секунды — где-то в стенах эта нота вернулась ко мне. Тихо, на грани слуха, как эхо, но эхо не повторяет, а это повторило и поправило: нота встала на своё место, вверх, чистая, правильная, такая, какой она должна быть. Купол спел за меня лучше, чем я. Он спел мою бабушкину песню так, будто я наконец научился.

— Хорошо, — сказала Прия. — Очень хорошо. Чистый голос.

— Это я? — спросил я.

— Это вы, — сказала она. — Подчищенный.

Гель пошёл вниз, отпуская щиколотки последними. Свет смягчился. Я стоял мокрый, в мурашках, и зачем-то трогал скулу, где была метка, хотя меня просили не трогать.

— А куда делась моя фальшь? — спросил я. Не знаю, зачем спросил. Мне вдруг стало её жалко, эту уроненную ноту, как жалко мелочь, выпавшую в решётку ливнёвки.

Прия вышла ко мне из-за стекла с полотенцем. Она была уже немолодая, и улыбалась она по-настоящему мало, и мне поэтому казалось, что она скажет правду.

— Никуда, — сказала она. — Её просто не записали. Слишком мелко. — Она протянула полотенце. — Систему учили на хороших голосах. Она думает, что вы ошиблись, и помогает.

— А если я не ошибся? Если я так пою?

Прия посмотрела на меня секунду, как смотрят на человека, который задал в очереди вопрос, на который очередь не рассчитана.

— Тогда никто не заметит разницы, — сказала она. — Кроме вас.

Я оделся. Метки на скулах в зеркале раздевалки были еле видны, два бледных пятнышка, и я опять их потрогал. Гил ждал в коридоре, который теперь шёл вверх, и снова сиял.

— Ну как? Все в первый раз говорят, что гель — это что-то. А потом не замечают. Привыкаешь. — Он хлопнул меня по плечу. — Поздравляю, Дэни. Ты в системе. Ты зелёный.

— Я зелёный, — повторил я. Прозвучало как название болезни.

Мы вышли наружу, под плющ, и солнце было такое же ровное, как свет в Куполе, только тёплое. Гил говорил что-то про график, про съёмки Тео через две недели, про то, что у меня теперь будет «настоящая команда». Я кивал. Я держал в руке телефон, где уже пришло письмо: «Поздравляем! Ваш проект получил зелёный свет». Проект. Не я. Я подписался на себя, а свет загорелся проекту.

Где-то внутри я ещё пытался удержать ту приятную мысль из комнаты без окон — что я причина чьего-то выдоха, что мне горит зелёный. Но рядом с ней теперь лежала другая, тихая, как эхо в Куполе: я думал, что подписываю страховку. А подписал я разрешение. Это были две разные бумаги, и я только что узнал, что это одна.

— Гил, — сказал я уже у валет-паркинга, где парень в зелёном поло уже вёл мою машину, по-прежнему не глядя мне в лицо, потому что лицо моё ему было не нужно, оно у него теперь и так было. — А зачем им мой голос в движении? Для роли же не надо петь.

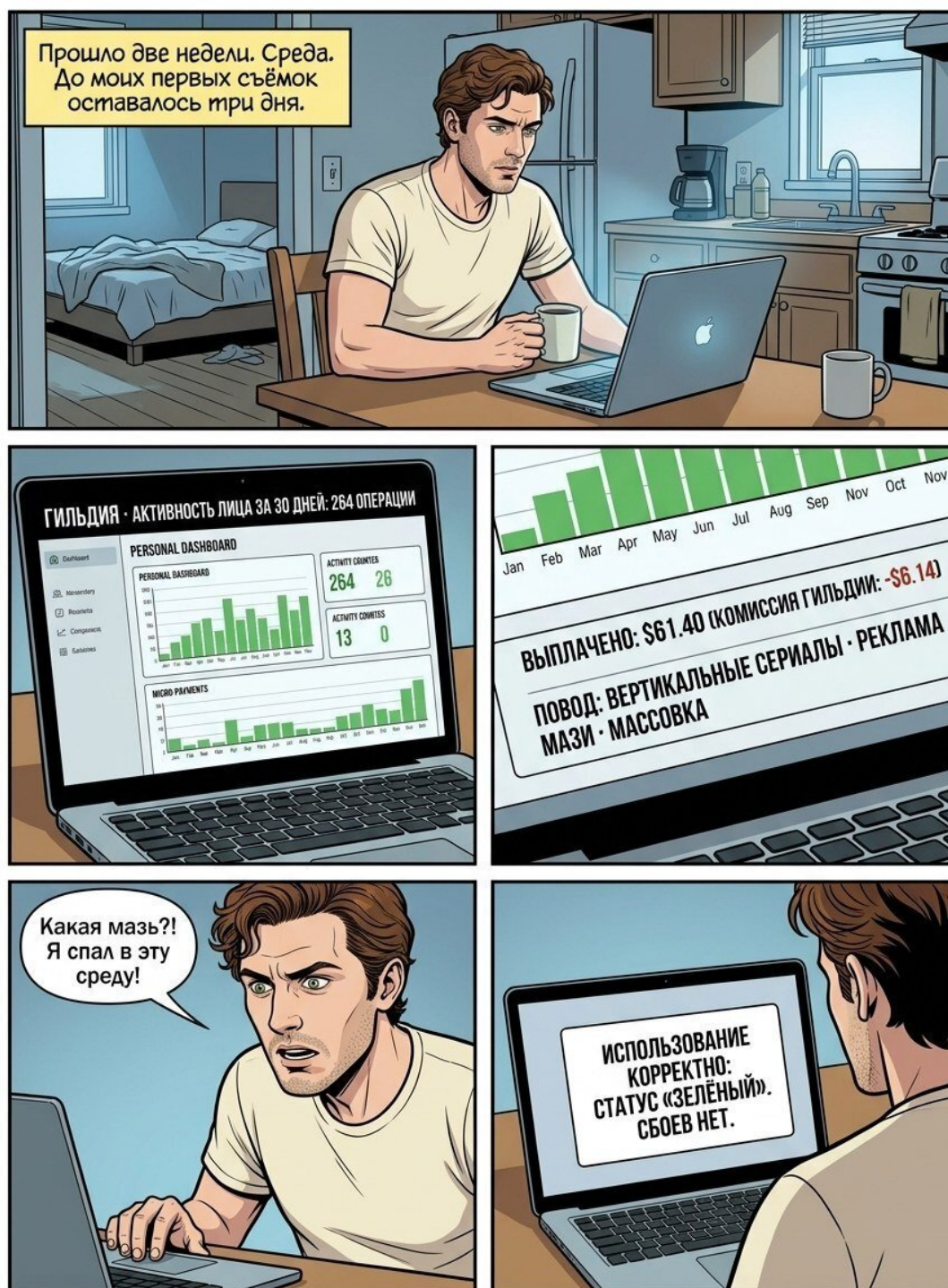
Гил улыбнулся. В первый раз за день — секундой позже, чем следовало.

— Дэни, — сказал он ласково. — Для роли вообще мало что надо. Поезжай. Отдыхай. Ты заслужил.

Я сел в свою машину, ещё хранившую чужие руки на руле, и поехал по бульвару, где на каждом втором билборде кто-то улыбался ровно так, как меня учили улыбаться полчаса назад, — естественно, не так, естественно, — и тихонько, себе под нос, на красном светофоре, запел бабушкину песню. Дошёл до той ноты.

И уронил её. Сам. Нарочно. И почему-то от этого мне стало легче.

Дубль работает в среду

В среду я увидел, как работаю, пока сижу дома и ем хлопья.

Случилось это так. Я листал телефон, лёжа на диване в съёмной квартире в Силвер-Лейке, где из окна был виден кусок чужого бассейна и пальма, которая мне не принадлежала, но на которую я смотрел как на свою. Шла реклама — между двумя видео проскочил ролик секунд на тридцать, страховая компания, что-то про «защити то, что любишь». И там,

в ролике, под музыку, шёл по утреннему пляжу парень, обнимал девушку, поднимал на руки смеющегося ребёнка, оборачивался к камере и улыбался — естественно, не так, естественно.

Парень был я.

Я сел. Хлопья качнулись в миске. Я отмотал назад и посмотрел снова, медленно. Это было моё лицо. Мой рост, моя манера чуть наклонять голову вправо, когда улыбаешься, — я знаю эту свою манеру, меня от неё отучали в школе и не отучили. Моя родинка под левым ухом. Ребёнка я никогда не держал. На этом пляже я никогда не был. Девушку эту я видел впервые — красивая, тоже с родинкой, тоже, наверное, чья-то. Потом я её узнал: она же продавала кофе с другого билборда и плакала в трейлере драмы про развод. Универсальная жена. Её, наверное, тоже подбрасывали в воздух где-нибудь в рекламе матрасов.

Первая мысль была дикая и смешная: мне не заплатили за съёмку, на которой я был.

Я позвонил Гилу. Он взял сразу, как человек, у которого телефон — продолжение ладони.

— Дэни! Как отдыхается?

— Гил, я только что увидел себя в рекламе страховой. На пляже. С ребёнком.

Пауза была короткая, ровно такая, чтобы я успел понадеяться, что это ошибка.

— А, — сказал он тепло. — Уже работает. Быстро они. Хорошо вышло?

— В каком смысле «работает»?

— Дубль работает, Дэни. Твой дубль. Ну, помнишь, в Куполе? Голос в движении, всё это. Мы собрали твою цифровую версию, она теперь может сниматься, пока ты спишь. Это же отлично, ты сейчас лежишь дома, а ты при этом зарабатываешь. Два Дэни лучше, чем один.

— Я не снимался в этой рекламе.

— Конечно, не снимался, в этом и смысл. Снимался дубль. Ты дал зелёный — он работает. Слушай, это нормально, все так пугаются в первый раз, это как увидеть себя на видео с чужого телефона, неловко секунду, а потом думаешь: о, а я ничего.

Я смотрел в телефон, где парень с моим лицом подбрасывал чужого ребёнка в воздух, и ребёнок смеялся, и я понимал, что этот ребёнок не существует тоже, что он чей-то дубль, дитя-актёр, которого сняли один раз и теперь подбрасывают вечно. Подумал ещё, что у этого ребёнка, наверное, тоже зелёный, что где-то есть родители, которым на счёт каплют центы за каждый бросок, и что расти ему теперь не положено по договору.

— А деньги? — спросил я. Дурацкий вопрос, но он первый всплыл, как всё дурацкое в тяжёлые минуты.

— Капают, — сказал Гил с гордостью, будто это он лично капал. — На зелёном проценты с использования идут тебе. Маленькие, но с каждого показа. Знаешь, сколько раз эту рекламу крутанут? Ты будешь получать деньги за работу, которую делает он. Это, Дэни, и называется свобода. Раньше актёр был жив, пока его снимают. А теперь ты можешь сломать ногу, заболеть, состариться — а дубль работает. Дубль не простужается.

— Дубль не роняет ноту, — сказал я.

— Что?

— Ничего.

Я положил трубку и досмотрел рекламу до конца. В конце парень с моим лицом обнимал свою выдуманную семью, и поверх возникала надпись «ёлочкой»: «Эвергрин Иншуранс. Защити то, что любишь навсегда». И мелким шрифтом под ней — я разглядел, отмотав и увеличив, — «Изображение актёра использовано с согласия. „Навсегда“ означает срок действия лицензии». С согласия. Я дал согласие. Я помнил палец на тёплом кружке.

Самое странное было не то, что он работал без меня. Самое странное было, что он работал лучше. Я смотрел на то, как он наклоняет голову вправо, и видел, что он делает это чуть-чуть мягче, чем я, без той моей дёрганости, которую я ненавидел и которую теперь, оказывается, у меня забрали и отполировали и отдали ему. Он был я, с которого стёрли мелкие неправильности. Его учили на хороших голосах. Он думал, что я ошибаюсь, и поправлял.

Вечером я всё-таки открыл письмо от Гильдии, которое висело непрочитанным с понедельника. «Ваш личный кабинет. Прозрачность — это забота о себе». Кабинет был зелёный и приятный, как всё у них, и в нём была вкладка «Активность лица». За тридцать дней.

Я думал, там будет одна строчка — пляж со страховой. Их было двести шестьдесят четыре.

Я читал их быстро, как читают чужую переписку. Реклама страховой, тридцать секунд, ротация национальная. Вертикальный сериал в шестьдесят серий по девяносто секунд, называется «Мой муж — миллиардер, и он меня не узнаёт»; я там миллиардер и не узнаю. Ещё один такой же, только я в нём водитель, который на самом деле наследник. Ещё четыре, где я стоял вторым лицом слева и, судя по хронометражу, ничего не говорил. Мазь от грибка стопы — я улыбался в тапках, глядя вниз, с облегчением. Социальный ролик про игровую зависимость: моё лицо в машине на ночной парковке, голос за кадром говорил «он думал, что отыграется», и лицо у меня было такое, что я сам себе поверил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.